

Эпосы, легенды и сказания

Илья Муромец и Калин- царь

*Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)*

Эпосы, легенды и сказания
Илья Муромец и Калин-царь
Серия «Хрестоматии
для начальной школы»
Серия «Большая хрестоматия
для начальной школы»
Серия «Древнерусская литература
и устное народное творчество»
Серия «Былины»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145699

Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Как Владимир князь
да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокий,
Во глубокий погреб во холодный
Да на три-то года поры-времени...»

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир князь
да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокий,
Во глубокий погреб во холодный
Да на три-то года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая,
Она видит: это дело есть немалое,
Что посадил Владимир князь
да стольнокиевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодный.
А он мог бы постоять один за веру,
за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви
за соборные,
Мог бы побережь он князя
да Владимира,
Мог бы побережь Опраксу Королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодный

Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую
И одежду сменять с нова-на́-ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведает.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотит он разорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой Королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посылную.
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольный
Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь у него на широком дворе
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спущай коня ты на посылный двор,
Сам поди-ко во палату белокаменну;
Да пройдешь палатой белокаменной,
Войдешь в его столовую во горенку,
На пяту́ ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ко кивера с головушки,
Подходи-ко ты ко столику к дубовому,

Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на зол от стол;
Говори-ко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир, князь да стольнокиевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано;
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княженецким
Наставь сладких хмельных напитокков,
Чтоб стояли бочка-б-бочку
близко-пб-близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоём во городе во Киеве».

(Приезжал посол в стольный Киев-град
Ко князю ко Владимиру на широкий двор.
Спускает коня на посыльный двор,
Сам идет в палату белокаменну;
На пятау он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому
Ни самому-то князю Владимиру,
И ни его князьям подколанным.
Полагал он грамоту посыльную на золот стол.)

Тут Владимир князь
да стольнокиевский
Брал-то книгу он посылную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие,
Да наставить сладких хмельных напитков
А по всем по улицам по широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Видит: есть это дело немалое,
А немалое, дело-то, великое,
А садился-то Владимир да на червлёный стул.

Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты собака да и Калин-царь!
Дай-ко мне ты поры-времечка
на три года,
На три года дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков
Да наставить по всему по городу по Киеву
Да по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».

Отсылает эту грамоту повинную,

Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечка на три года,
На три года дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
А неделя за неделей, как река, бежит,
Прошло поры-времечка да три года,
А три года да три месяца,
А три месяца и еще три дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
От подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир князь да стольнокиевский,
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива-то старого казака
Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь
князя Владимира
Да и той Опраксы Королевичны!»
Говорит ему любима дочь таковы слова:
«Ай ты батюшко Владимир, князь наш стольнокиевский,
Ведь есть жив-то старый казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе на холодном».

Тут Владимир князь да стольнокиевский,
Он скорешенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодный,
Отмыкает он скоренько погреб
да холодный
Да подходит ко решеткам ко железным;
Растворил-то он решетки да железные,
Да там старый казак
да Илья Муромец,
Он во погребѣ сидит-то, сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Ествушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет сменная.
Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Выводил его со погребѣ холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста его во сахарны,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подле себя,
И кормил его да ествучкой
сахарною,
Да поил-то питьицем медвяным,
Говорил-то он Ильѣ да таковы слова:
«Ай же старый ты казак
да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынѣ в полону стоит,

Обошел собака Калин-царь
наш Киев-град
Со своими со войсками со великими.
А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ко ты за князя
за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу Королевичну!»

Как тут старый казак да Илья Муромец
Выходил он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он паробка любимого,
Шел со паробком да со любимым
На свой на славный на широкий двор.
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты, мой паробок любимый,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи.
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старый казак да Илья Муромец
Стал добра коня он заседывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек,
Потничек он клал да ведь шелковенький,

А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко не держано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
И шпилечики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости все богатырской:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки да красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И сажился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копьё бурзамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржання лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,

Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскачил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскачил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокий,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскачил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белые
И у белых у шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокий
И поехал по раздольицу чисту полю.

Приезжал Илья ко шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшenu да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накиннул поводья шелковые
На добра коня да богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:

«А й допустят ли-то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшenu да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью
к полотну,
А идет зобать пшenu да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер.
В том белом шатре двенадцать богатырей,
И богатыри все святорусские,
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимый,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он встал да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.

Они попили, поели, пообедали,
Выходили з-за стола из-за дубового,
Говорил им старый казак
да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка,
Самсон Самойлович,
И вы русские могучие богатыри,
Вы седлайте-тко добрых коней
Да садитесь вы на добрых коней,
Поезжайте-тко во раздольице чисто поле
Под тот под славный стольный
Киев-град.

Как под нашим-то городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить он хочет стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да
со Опраксой Королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постоит-тко за веру, за отечество,
Вы постоит-тко за славный стольный Киев-град,
Вы постоит-тко за церкви да за божие,
Вы поберегите-ко князя Владимира
И со той Опраксой Королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!

А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.

У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».

Говорит-то старый казак

Илья Муромец:

«Ай же ты мой крестный батюшка,

А й Самсон да ты Самойлович!

Это дело у нас будет нехорошее.

Как собака Калин-царь разорит да Киев-град,

Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,

Да он божьи церкви все на дым спустит.

Да князю Владимиру с Опраксой Королевичной

А он срубит им да буйные головушки,

Вы седлайте-тко добрых коней

И садитесь-ко вы на добрых коней,

Поезжайте-тко в чисто поле

под Киев-град,

И постойте вы за веру, за отечество,

И постойте вы за славный стольный Киев-град,

И постойте вы за церкви да за божие.

Вы поберегите-ка князя Владимира
И со той с Опраксой Королевичной».
Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старый казак
Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле
под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град,
И постойте вы за церкви да за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира

И со той с Опраксой Королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Аи же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да жалует,
Ничего нам нет он князя от Владимира».
А й тут старый казак
да Илья Муромец
Он как видит, что дело ему не полюби,
Выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводья шелковые,
Отводил от полотна от белого
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра коня.
Он поехал по раздольицу чисту полю
И подъехал ко войскам ко татарскимим.

Не ясен сокол напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек,

Напускает-то богатырь святорусский
А на ту ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарскойей.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский,
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великий:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много-множество,
И у него есть сильные богатыри,
Поленицы есть да удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славном во раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить ты силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу
На тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы-то во другие,
И оттуль-то я повыскочу
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третьи во подкопы во глубокие,

А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубоких».
Еще старому казаку Илье Муромцу,
Ему дело-то ведь не слобилося,
И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное,
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поле,
Да во тех подкопах во глубоких!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем
колоть.
А он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила не уменьшится.
И просел он во подкопы во глубокие,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
И спустил он коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да копьем колоть.
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья не старится.
И просел он с конем да богатырским,

И попал он во подкопы-то во другие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
И спустил он коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
Он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья не старится.
И попал он во подкопы-то во третье,
Он просел с конем в подкопы те глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Илью он не повыздынул,
Сголзанул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубоком.

Да пришли татара-то поганые
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татары да поганые,
Нападали на старого казака
Илью Муромца,
И сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:

«Отрубить ему да буйную головушку».

Говорят ины татары таковы слова:

«А й не надо рубить ему буйной головы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».

Повели Илью да по чисту полю

А ко тем палаткам полотняным.

Приводили ко палатке полотняной,

Привели его к собаке царю Калину,

Становили супротив собаки царя Калина.

Говорили татары таковы слова:

«Ай же ты собака да наш Калин-царь!

Захватили мы да старого казака

Илью Муромца

Да во тех-то подкопах во глубоких

И привели к тебе, к собаке царю Калину;

Что ты знаешь, то над ним и делаешь».

Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:

«Ай ты старый казак да Илья Муромец,

Молодой щенок да напустил на силу великую,

Тебе где-то одному побить мою силу великую!

Вы раскуйте-ка Илье да ножки резвые,

Развяжите-ка Илье да ручки белые».

И расковали ему ножки резвые,

Развязали ему ручки белые.

Говорил собака Калин-царь да таковы слова:

«Ай же старый казак да Илья Муромец!

Да садись-ко ты со мной за единый стол,

Ешь-ко ествушку мою сахарную,

Да и пей-ко мои питьица медвяные,
И одежь-ко ты мою одежу драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:

«А не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питьецев медвяных,
Не буду носить твои одежи драгоценные,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
Буду стоять за стольный Киев-град,
Буду стоять за церкви за Господние,
Буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксою Королевичной».

Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-ты поганые,
Хотят обневолят они старого казака Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.

Старый казак да Илья Муромец
Видит он – дело немалое:

Да схватил татарина он за ноги,
Так и стал татаринoм помахивать,
Стал он бить татар татаринoм,
И от него татары стали бегати,
И прошел он сквозь всю силушку татарскую.
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону.
То идет он по раздольицу чисту полю,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле.
Прибежал он к старому казаку
Илье Муромцу.

Еще старый казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору да высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону.
А под той ли под восточной под сторонушкой,
А у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И спускал ту стрелочку во бел шатер.
Говорил Илья да таковы слова:

«А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышку со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
И проголзни-тко по груди ты по белый,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется».

Он спустил тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула та стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышку со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
Тут славный богатырь да святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные:
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди.
Он скорошенько стал на резвы ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри, вы святорусские,
Вы скорешенько седлайте-ко добрых коней!

Да садитесь-ко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые:
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала невеликую.
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов.

Если б не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней,
И поехали раздольцем чистым полем
Ко тем силам ко татарским.
А со той горы да со высокий
Усмотрел ли старый казак
да Илья Муромец,
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокий
И подъехал он к богатырям ко святорусским:
Их двенадцать-то богатырей,
Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарской,

Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной.
Сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину».
Говорил старый казак
да Илья Муромец:
«А почто рубить ему да буйну голову?
Мы свезем его во стольный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его собаку царя Калина
А во тот во славный Киев-град.
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Садил собаку за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарною
Да поил-то питьцем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Не руби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век
и по веку,
А тебе-то князю я Владимиру!»
А тут той старинке и славу поют,

А по тых мест старинка и покончилась.